

**Андрей
Кончаловский:**

Известия. — 1997. — 13 авг. — с. 5.

Россия хорошо оборудована для веселья

5 сентября 1997 года, в девять часов вечера, на Красной площади состоится беспрецедентное представление «Наша древняя столица» как по количеству участников — до тысячи человек, так и по их звездному составу. Так официально откроется череда юбилейных торжеств, посвященных 850-летию Москвы. Автор идеи и постановщик — народный артист России Андрей Кончаловский, продюсер — Давид Смелянский, режиссер — Валентин Гнеушев.

— Андрей Сергеевич, в связи с громкой европейской премьерой «Одиссея» на Московском кинофестивале многие стали говорить, что не только гомеровский герой возвращается через Троию в Итаку, но и режиссер Кончаловский, эмигрировавший после «Сибириады», с блеском возвращается в Москву, на Красную площадь с ее Лобным местом.

— Я вернулся в Россию гораздо раньше, когда начал снимать в 1990 году «Ближний круг», а уж совсем вернулся, когда в Нижегородской области, в селе Безводном, стал снимать «Курочку Рябу». В принципе жизнь каждого из нас — это длинное и долгое возвращение домой через любовь и измены, предательства, приключения и обретения.

— Кто вас «вычислил» для постановки на Красной площади?

— Был когда-то длинный переговорный роман с Комитетом культуры московского правительства по поводу какой-нибудь большой исторической театрализованной постановки. Из тех разговоров ничего не получилось, но тут юбилей подошел. Я принял предложение, хотя потом два раза письменно отказывался: вы уж не считайте меня больше своим работником.

— Что так?

— Я сказал, забудьте про меня. Все было немислимо медлительно. Мне говорят: мы готовы с вами работать. Но как же готовы, если у вас денег нет? Речь не о том, чтобы иметь деньги за день до юбилея. Вечная наша история — деньги приходят, когда революция почти случилась. Надо иметь не только деньги, но и время. Определенный замысел требует определенных людей, которые стоят деньги.

— Возможно, у вас еще живо раздражение от банка «Аэрофлот», где сгорели деньги, взятые в долг у российского правительства на постановку «Щелкунчика».

— К сожалению, раздражение случается от русского «авось», когда ничего нельзя знать наверняка. В январе в Лондон ко мне приехали люди от Лужкова, и я окончательно взял ответственность на себя.

Российское театральное агентство во главе с Давидом Смелянским стало вести многочисленные переговоры. Мы пригласили людей, которые съели собаку на гигантских праздниках, делали зрелище у Берлинской стены, политические шоу Нельсона Манделы, организовывали мировые туры «Роллинг стоунс», Тины Тернер, Элтона Джона... Я имею в виду английскую компанию «Трибьют».

Сценографию Красной площади сделал дизайнер Марк Фишер, который стал немедленно знаменитым после конструкции «Стены», выполненной для одноименного тура «Пинк Флойд».

— В России не устают повторять, что для веселья наша планета мало оборудована.

— Я не думаю, что для веселья наша страна меньше оборудована, чем всякая другая. Русский мazo-

Фото Сергея ИВАНОВА.

хизм и ожидание конца света — это, скорее, иллюзии либералов. Более терпеливой нации, чем русские, нет нигде на свете. И такой народ заслуживает праздника хотя бы раз в 50 лет. Где мы все будем, когда Москва станет праздновать 900-летие?

— Вы уже вошли в историю как автор самого дорогого — 40 миллионов долларов — американского телесериала «Одиссей». Красная площадь будет так же дорога российскому народу?

— Народу, надеюсь, будет дорого зрелище, если все получится и талантливо состоится. У спонсоров впечатления будут конкретнее.

— Для кого вы делаете это представление — для шести тысяч избранных гостей, которые заполнят трибуны на Красной площади?

— Для всей нации. По телевизору праздник увидит весь мир, 15 камер приезжают из Англии. ОРТ готовит трансляцию на Россию и страны СНГ.

— А что увидит нация? Мы только что смотрели репетицию со злым драконом. Злые недремлющие силы — вечная участь России?

— Дракон, как и Змей Горыныч, — существо универсальное, олицетворение темных сил. Идея такая: в истории любого города существуют определенные фазы... Вообще, что такое город?

— Поселение людей числом более десяти тысяч, как утверждают иные справочники.

Тут Кончаловский, наоборот, хотел возразить — это правда бухгалтера, а не художника, но спокойно продолжил:

— Город — от слова породить. Ограда. Город — это стена, которая во все времена защищала женщин и детей, приплот нации, как будущее любого народа. Стены возводились и рушились темными силами. Потом начиналось восстанов-

ление. Потом опять битва и разрушение. Бесконечный цикл в истории. Москва шла тем же путем, что и все. Главная идея нашего представления — созидательный труд и мужество защитников. Город всегда защищается, город никогда не воюет. В истории есть вещи, которых можно стыдиться, и есть вещи, которыми можно гордиться.

Мы нашли метафору на все времена, как вера пришла в Россию, как пришел Георгий Победоносец...

— Злую силу, по вашей метафоре, побеждает народ? Георгий Победоносец? Иванушка-дурачок?

— Не дурачок. Иван — это русский основной характер, может, с виду и наивный, но на самом деле неизбывной энергии и юмора человека.

Для меня большая честь ставить такое представление на Красной площади. Мою идею, надеюсь, поймет не только русский, но и всяк суций в ней язык. Иван связывает действо, в котором будет звучать много классической музыки: Глинка, Рахманинов, Прокофьев... Мы привлекли огромные сводные оркестры и хоры. Лучано Паваротти дал согласие исполнить «Подмосковные вечера». Валерий Гергиев, Евгений Кисин, Юрий Башмет, Маквала Касрашвили, многие другие звезды примут участие в концерте.

— Сколько будет длиться действо?

— Я хочу как можно короче.

— Сейчас творческому человеку комфортно в России?

— Раньше были деньги, но не было свободы, сейчас есть свобода, но нет денег. Теперь другая цензура — цензура рынка.

— В отличие от многих вы знаете правила игры.

— К счастью, я выучился раньше тех, кто живет здесь, но, к со-

жалению, намного позже, чем надо бы. Уехал бы лет на десять пораньше, многое раньше понял бы в своей жизни.

Нас ведь не учили силе убеждения, главное, чтобы идеологически было правильно. А сейчас надо уметь убедить людей дать деньги на кино, убедить, что ты лучший, и ты сделаешь так, что эти деньги вернутся. Мало кто дает деньги из чисто гуманитарных соображений.

Я к спонсорам отношусь с большим уважением, но расчет на спонсорство, по большому счету, есть попрошайничество. Надо уметь делать произведение искусства, которое может возвращать деньги.

Толстой говорил: когда я пишу, то моим пером водят две руки — писателя и читателя. Он думал, как его будут воспринимать. В отличие от некоторых наших художников, которым все равно, лишь бы себя выразить.

Нам надо думать не о том, как бы правительству всем давало деньги, а о том, чтобы оно создавало условия для здорового бизнеса без воровства и пиратства, чтобы заработала система эксплуатации гигантского рынка, практически никак не освоенного.

— Вы сейчас живете на два дома?

— Скорее, на три. У меня три базы — в Москве, Лондоне и Лос-Анджелесе. Это связано и с работой, и с личными привязанностями.

— Москва сейчас для вас — это ностальгия и друзья или рынок, где хочется опять и опять состояться?

— В России огромнейшая масса людей, умеющих воспринимать и ценить искусство (хотя это еще не значит, что в Москве есть масса людей, которые умеют пользоваться общественными туалетами; дурость общезития тут уникальна). Но парадокс в том, что здесь уникально высока культура культуры.

— За рубежом вы чаще говорите: я русский или я москвич?

— Как парижанин отличается от француза, так и москвич — от россиянина. Россия начинается за Москвой, в столичной ментальности так много снобизма.

У любого столичного жителя есть детское чувство превосходства, которое чаще идет от недостатка культуры. Когда человек достигает определенных знаний, а главное, силы, у него появляется чувство снисхождения и доброты.

— Ваши любимые в Москве места?

— Я родился на Арбате. Поварская, Мерзляковка, Никитские ворота с тамашней шашлычной, Петровка, 28 с теннисными кортами, Консерватория и бульвары — это все мои места. И, конечно, район Красной Пресни, где сейчас живу, и где у меня в 52-м году отняли коньки и морду набили.

— Можно ли в Москве сегодня творить, не принимая в расчет политику?

— Глупо не обращать внимания на жизнь, нынешняя ситуация в России — это самая творческая вещь для художника. Мы живем в историческое время, проспав которое было бы непостижительно.

— Вы когда-то изрекли партийный афоризм: народ примет любую платформу, если ее нагрузить колбасой.

— Наверное, я думал так в те времена, когда колбаса была редкостью. Сейчас в мире дефицит как раз тех душевных качеств, которыми так богат российский народ.

Адвиг ЮФЕРОВА,
«Известия».

103